

Незавершенная революция: политическая философия Франкфуртской школы

Б. В. Марков

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Марков Б. В.* Незавершенная революция: политическая философия Франкфуртской школы // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 1. С. 79–90. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.108>

Статья посвящена анализу политической философии Т. Адорно и других представителей Франкфуртской школы. Они разоблачали власть как идеологию, принимающую самые разные формы, использующую ресурсы философии, мифологии и искусства. Адорно разработал проект негативной диалектики, на основе которой возможна эмансипация людей, охваченных мощными пропагандистскими машинами современности. Тематическим горизонтом, в контексте которого осуществлялась разработка его негативной диалектики, являются элементы иудейского мессианизма и лютеровского протестантизма, гегелевской и кьеркегоровской диалектики, теории отчуждения Маркса, нищезанского имморализма. Для критики идеологии модерна представители Франкфуртской школы использовали ресурсы философской диалектики. Они предложили новые формы протеста, которые увидели в акциях представителей культурного авангарда. По их мнению, не классовая борьба, а изменение форм жизни является главной стратегией культурной революции. Заслуга Т. Адорно, М. Хоркхаймера и Г. Маркузе состоит в критическом анализе новых форм управления обществом средствами массовой культуры. «Политическая эстетика» дополняет негативную диалектику, разоблачающую идеологию. Кроме критики ценностных установок буржуазного общества для освобождения людей предлагается использовать возможности авангардного искусства, особенно новой музыки, которая, по мнению Адорно, превращает потребителей в соучастников концертов. Если легкая музыка отвлекает и развлекает, то новая музыка способствует критической рефлексии чувственности и, тем самым, освобождению от установки на наслаждение. Сравнивая проекты представителей Франкфуртской школы с современными социальными и культурными процессами, приходится констатировать, что они не воплотились. Соединение искусства, философии и жизни произошло не так, как хотелось. В основе современного массового общества по-прежнему лежит не критическая рефлексия, а потребление и развлечение.

Ключевые слова: власть, критика идеологии, марксизм, культурная революция, политическая эстетика.

В год столетия русской революции и в преддверии пятидесятилетия протестов 68 года в Европе самое время вспомнить ожидания левой интеллигенции, реконструировать проекты несостоявшихся, точнее, незавершенных революций, предлагаемых философами, а также деятелями культурного авангарда. Политическая программа Франкфуртской школы представляет особый интерес в связи с тем, что в ней была предпринята попытка подсоединения утопии к истории, культуры

к политике [1, с. 183–193]. Конечно, центральное место отводилось критике идеологии [2]. Однако важное достоинство программы франкфуртцев — понимание необходимости «культурной революции». Это словосочетание вызывает, с одной стороны, воспоминания об акциях маоистов, отправивших элиту на перевоспитание в деревни, а с другой стороны, иронию по отношению к известному телешоу, где интеллигенция спорит о тех или иных культурных событиях. На самом деле «культурная революция» — это продолжение политической революции. Она направлена прежде всего на изменение идеологии, мировоззрения, ценностных и моральных установок, на просвещение и повышение культурного уровня народа. Немаловажен психологический аспект революции. Необходимо преодолеть сознание нужды и связанные с ним чувства зависти, мести, жажды реванша, трансформировать негативные настроения, воодушевить людей на строительство новой жизни. Для этого недостаточно философии. Необходимо использовать возможности искусства. Еще Р. Вагнер поднял тему «искусство и революция» и организовал национальный театр в Байрейте для того, чтобы изменить «дух народа». Этот проект был подхвачен во Франции С. Малларме, а в Германии — С. Георге и его кругом. Задачу преодоления «буржуазности» в искусстве и жизни ставили деятели русского авангарда. Адорно также считал, что новая музыка произведет глубокую трансформацию слушателей, которые из потребителей станут соучастниками концертов. Положительно оценивая эти проекты, приходится сожалеть, что они не воплотились, что соединение искусства, философии и жизни произошло не так, как хотелось.

Власть и формы протеста в условиях современности

Возможно ли, так сказать, «экзистенциальное государство», которое существует для человека и где нет ни отчуждения, ни идеологии? Обдумывая вопросы, какой человек нужен для государства и какое государство подобает достоинству человека, Адорно уверенно утверждал, что задача негативной диалектики — это критика власти, разоблачение обмана. После событий 1968 г. в среде левых интеллектуалов произошла своеобразная «смена вех»: никто не может занять внешнюю позицию по отношению к власти. Даже личный опыт борьбы с угнетением и отчуждением не свободен от когда-то навязанных властью и превратившихся в традицию установок. Даже интеллигенция не может адекватно анализировать власть, так как является ответственной за производство знаний, которые используются для учреждения и легитимации сложившегося порядка. Поэтому возникает вопрос: какой смысл протестовать против мелких злоупотреблений, например коррупции, если сам порядок оказывается вне критики?

Очевидно, что современное понятие политического отличается от классического определения власти как господства тем, что оно охватывает управление жизненными потребностями. Если раньше власть проявлялась в форме ограничения и запрета, то сегодня в форме рекламы потребления. Нынешняя власть далеко не столь очевидна, как в прошлом, но это не дает оснований говорить об эмансипации людей. Наоборот, реклама товаров, разного рода советы и рекомендации, которые предоставляются на все случаи жизни, навязывают стандарты потребления и уменьшают сферу свободы. Высокий уровень потребления, облегчение тяжелого физического труда, увеличение свободного времени, которое

тратится на развлечения, — все это дает основания говорить, что современное общество становится бесклассовым. Однако теория среднего класса скрывает тот факт, что сегодня субъектом истории остается буржуазия, ибо ее ценности стали универсальными [3].

У Маркса были причины считать свою теорию исторически верной, так как различие пролетариата и буржуазии было достаточно очевидным, особенно в тех случаях, когда дело доходило до необходимости не только работать, но и воевать за интересы капиталистов. В условиях «растворения» рабочего класса власть уже не ущемляет потребности трудящихся, а наоборот, удовлетворяет их и таким образом репрезентирует себя как управление желаниями людей. Государство, функция которого и ранее сводилась либеральными мыслителями к роли «ночного сторожа», сегодня становится политической фикцией и поддерживается исключительно символически. Поскольку власть ступила на путь симуляции, постольку фронтальный протест в форме революции становится неэффективным. Поэтому сегодня формы протеста оказываются по прежним меркам довольно необычными: люди недовольны высокотехнологичной медициной, предлагающей дорогостоящие методы лечения, либеральным образованием, которое сводится к усвоению компетенций, профессиональным спортом, обрекающим спортсменов на непрерывную борьбу с собой в форме диеты и тренировок. Парадокс в том, что ученые, изобретатели, педагоги стремятся приспособить человека к новым условиям существования, но все их знания окончательно отнимают возможность самостоятельных решений и выбора своей судьбы. Леворадикальные критики пишут о деградации как самой власти, так и форм протеста, которые становятся похожими на игру. Но все же нельзя не видеть, что современное управляемое общество подчиняет людей безличными функциональными связями более надежно, чем моральные, религиозные или идеологические принципы. Власть из внешней инстанции переместилась в сознание человека, поведение которого регулируется нормами системы.

Между консерватизмом и либерализмом

Испытывали ли европейские левые интеллектуалы чувство вины за то, что инициировали революцию? Понимали ли либеральные демократы Веймарской республики, что фашисты пришли к власти по причине их нерешительных действий? Поскольку сегодня оказавшаяся не у дел интеллигенция сожалеет о своем энтузиазме времен перестройки, постольку самое время подумать, а что она вообще может, в чем состоит ее призвание? Как известно, Платон мечтал о том, чтобы государством управляли философы, но практически к управлению государством нельзя допускать не только кухарок, но и философов. Современное общество — слишком сложная система, чтобы ее можно реформировать для осуществления индивидуальной свободы. Без специалистов государство легко разрушить, но эффективно им управлять невозможно. Речь должна идти о подсоединении внутренней человеческой, духовной системы к внешней — социальной, политической, экономической. Это предполагает респонсивность управленческой деятельности, которая достижима в том случае, если политики, бюрократия, техническая и гуманитарная интеллигенция смогут вести диалог и сообща принимать взвешенные решения.

В «Негативной диалектике» Адорно отстаивал необходимость философской рефлексии и критики тех или иных общественных явлений. Причем саму историю он понимал уже не как происки буржуазии, результат тайного сговора ее верхушки, а как события, совершаемые людьми, чаще всего не осознающими последствий своих действий. Либералы указывали на устойчивое развитие капитализма, а фашисты критиковали рыхлость и застой демократического общества. Конечные цели его развития они понимали по-разному. Обычно Франкфуртская школа и консервативные мыслители рассматриваются по отдельности [4]. На самом деле они сосуществовали в общем культурном пространстве и между ними есть нечто общее. Хотя в Америке к франкфуртцам присоединилась Х. Арндт, отождествлять «критическую теорию» с либеральной идеологией было бы неправильно. Адорно и Маркузе развивали теорию отчуждения, а Хабермас, наоборот, перешел на делиберативную позицию. Но в целом либерализм для франкфуртцев был неприемлем, так как в его основании лежали позитивистская философия и функционализм. При этом они видели, что капиталистическое общество сводит человека к функции, и таким образом позитивизм соответствовал реальности. Но критический марксизм не позволял признавать такую систему подлинной, ибо она порождает отчуждение.

Установка консервативных мыслителей казалась Адорно архаичной, возрождающей мифологию потустороннего бытия. Их главную опору — народ — он понимал как этнос, как общность, характерную для примитивных культур, субъектом же истории считал критически настроенную, мыслящую интеллигенцию. Хайдеггер тоже негативно расценивал и техницизм, и функционализм. Его анализ индустриального общества более основателен, чем у франкфуртцев. Вместе с тем главный упрек Адорно остается в силе: поскольку бытие не является ни понятием, ни фактом, оно оказывается вне критики, а хайдеггеровский иррационализм — это всего лишь дополнение технократизма. Без диалектической критики деструкция метафизики не удалась.

Гуссерль пытался раскрыть всеобщие идеи и смыслы, которые влияют на поступки людей. Адорно считал такие истины надстройками производственных, шире — общественных отношений. Трактовка их как априорных и самоочевидных «ноэм» казалась ему оправданием этих отношений. Отсюда обвинения как феноменологии Гуссерля, так и онтологии Хайдеггера в аффирмативности или ангажированности [5, S. 83]. На самом деле феноменология заставляет задуматься о сложной природе видимого и воспринимаемого. Опыт восприятия не является непосредственным. Что-то заставляет нас видеть так, а не иначе, кто-то определяет наше настроение, вызывает заботу, тревогу, страх? Не являются ли эти чувства диспозициями власти? Осмысление данного вопроса так или иначе заставляет подсоединять феноменологический инструментарий к стандартной критике идеологии. Чтобы не попадать в замкнутый круг оправдания действительности, необходима не только феноменологическая, но и критико-идеологическая установка. Важно не ошибиться, к чему и когда их применять. Исследователь сталкивается с двоякими трудностями. Во-первых, критика власти — это не безответственная игра, а довольно-таки опасное занятие, требующее осторожности. Во-вторых, философы, разоблачающие власть, должны помнить, что они тоже участвуют в ее производстве. Сегодня идеология не является только продуктом партийных функционеров,

а, будучи формой символического капитала, так или иначе воспроизводится и потребляется каждым индивидом.

Критика идеологии

Если господствует тот слой или класс, который навязывает свое мнение остальным в форме философии, искусства, права, морали и, наконец, рекламы, то говорить о смерти идеологии, по меньшей мере, наивно. Несмотря на объявленный в XX в. «конец идеологии», противостояние не только не прекратилось после падения «железного занавеса», но и плавно переросло в информационную войну. Сегодня на вопрос, что такое идеология, даются альтернативные ответы, использующие конструктивистский или натуралистский дискурс. События современности показывают, что это не просто совокупность ложных идей, а своеобразный перформанс, стимулирующий политические действия. Под разговоры о кризисе идеологии и свободе любого мнения в гражданском обществе на самом деле происходит смена медиумов власти и качественная трансформация механизмов управления. Все это делает актуальным исследование философских предпосылок, которые явно или неявно принимаются участниками дискуссий о том, нужна или нет идеология. По мнению историков, идеология лежит в основе любого жизнеспособного государства. Она играет роль символической защиты, способствующей идентичности своих и оберегающей от влияния чужих. Наоборот, диссиденты, правозащитники, либеральные реформаторы критикуют тоталитарное государство, противопоставляя ему «гражданское общество». Марксисты, с одной стороны, определяли идеологию как ложное сознание, с другой стороны — признавали возможной научную идеологию. По Адорно, тоталитарная идеология мобилизует нацию ради исполнения идеи. Идеологи рассматривают ход событий, как если бы они подчинялись некоему закону классовой или межрасовой борьбы. Для Адорно идеологии являются манифестациями интересов определенных групп. Их ненаучность состоит в том, что они объясняют любой факт исходя из предпосылок, которые кажутся очевидным, будучи недоказуемыми. Между тем в основе призыва к деидеологизации лежит понятие тоталитаризма, а это идеологический концепт, создающий иллюзию, будто после критики реставрация идеологии невозможна.

Заслуга представителей Франкфуртской школы видится в реконструкции разнообразных форм управления массами в постиндустриальном обществе [6, S. 642–650]. Разработка этого проекта, нацеленного на аналитику повседневности, продолжается в исторической антропологии. Наряду с историей идей изучается влияние образов, музыки, дизайна — искусственной среды, в которой мы живем, работаем и развлекаемся, — на образ жизни людей [7, с. 281–425]. Поскольку ранее считавшаяся приватной сфера развлечений и досуга сегодня коммерциализирована, постольку необходима критическая рефлексия, раскрывающая ее как новую сеть власти.

Опыт свободы

В «Негативной диалектике» Адорно размышлял о реализации свободы в организованном обществе [8, с. 197–199]. Он обратил внимание на предпосылки формирования европейской модели свободы: во-первых, она проистекает из опыта

господства: человек желает господствовать над природой и над другими людьми; во-вторых, она имеет нарциссический характер и вызвана потребностью в самовозвышении. Адорно считал, что либерализм чрезмерно преувеличивает независимость индивида. Индивид, конечно, хочет быть свободным от общества, вопрос в том, насколько оно ему разрешает быть свободным. А главное — насколько свободно само общество.

Свобода понимается как автономность, независимость, самостоятельность индивида, имеющего собственность. Ее реализацию связывают со свободой выбора и с отсутствием принуждения. «Свобода от...» означает отсутствие ограничений, регламентирующих порядок жизни. Такое понимание свободы плавно перетекает в анархию, т. е. в отрицание таких авторитетных институтов, как государство, право и мораль. Охраняемый ими порядок ценностей тоже считается репрессивным. Однако разгрузка свободы от ответственности приводит к вседозволенности. Поэтому Кант, определяя свободу как независимость от природных, социальных и иных детерминаций, подчинял человека нравственному закону, который должен неукоснительно соблюдаться.

По Гегелю, абсолютная свобода тоже невозможна, и поэтому он описывает прогресс истории как игру свободы и необходимости, а конечный результат развития формулирует как их совпадение. По поводу гегелевского определения свободы как осознанной необходимости марксисты то ли серьезно, то ли в шутку говорили: товарищ Тельман сидит в тюрьме, но на самом деле он свободен, так как знает, что такое свобода. Разумеется, можно спорить о том, свободны мы «на самом деле» или только думаем, что свободны. Разумеется, недостаточно быть свободным только в мыслях. Но что такое реальная свобода?

Гегель описывал опыт свободы как отчуждение. Человек сам производит то внешнее, от которого он зависит. Поэтому он противопоставлял свободу произволу и определял ее как осознанную необходимость. Эта формула вызвала негодование у Адорно. У Маркса особенное, индивидуальное не является непосредственным. Мое «Я» уже сформировано обществом, первичен способ производства, а не медитация. Адорно уже не считает, что существует историческая необходимость, которая, подобно законам природы, определяет поведение людей. Само различие свободы и природы, свободы и необходимости является наследием проекта Просвещения с его установкой господства над природой. Адорно исходил из того, что рассуждения о противоположности царства необходимости и мира свободы были следствием угнетения. У Канта свобода означала возможность поступать в соответствии с принципами теоретического разума. Практический разум дополнял критерии истины нормами морали, и таким образом человек оказывался под контролем социального порядка. По Канту, свобода означает независимость как от природного, так и от социального. Однако свобода не тождественна независимости, наоборот, она ограничена нравственным законом. Эту противоречивость Адорно трактовал на марксистский манер, как диалектику Просвещения: буржуазия из революционного класса постепенно превращается в консервативный слой населения.

Адорно не считал правильной постановку проблемы свободы как выбора между альтернативами «или — или» (Кьеркегор) или принятия решения (Сартр). Он разбирает ситуации выбора, о которых много рассуждал Сартр, известный вы-

сказыванием о том, что никогда мы не были так свободны, как в годы фашистской оккупации. Адорно соглашался, что свобода нуждается в сопротивлении, но не считал возможность выбора из двух альтернатив реализацией свободы. Свобода есть в том случае, когда не приходится выбирать одно из двух зол. Если свобода ограничена голой фактичностью, то практически она обретает характер необходимости. Выбор из списка ролей, профессий, как и покупка товаров, задается обществом, и поэтому речь не идет о подлинной свободе, которая предполагает творчество возможностей. Свобода — это не достигнутое, завоевываемое, это не результат, не данность, а процесс борьбы. «Даже либеральные учреждения тотчас же перестают быть либеральными, как только они достигнуты» [9, с. 298].

Освобождение от государства необходимости и рассудка Г. Маркузе видел в спонтанности. Вместе с тем чувственность тоже рационализирована и подчинена экономии. Рынок не сдерживает, а стимулирует желания людей. Но их симуляция не имеет ничего общего с экстазом, чрезмерностью, тратой и прочими эксцессами, которые обычно приписывают первобытным людям. Конечно, представление об экстатической жизни в прошлом во многом является романтическим мифом. Поэтому скепсис франкфуртцев в отношении такой «эмансипации» представляется вполне оправданным. Культ потребления поддерживается экономикой и политической и потому разоблачается как диспозитив власти. Положение человека по части прав и свобод Адорно и Маркузе считали неудовлетворительным даже в таком либеральном обществе, как американское, где жизнь управляется рекламой и массовой культурой, а также разного рода консультациями и советами о том, как работать и отдыхать, добиваться успеха и признания.

Противовесом либерализму является утверждение консерваторов, что человек всегда кому-либо или чему-либо служит. Это заставляет поставить под вопрос современное понимание свободы. В прошлом представления об автономности и индивидуальности человека не имели никакой ценности. Прежде всего дети, больные, старые нуждаются в опеке и поддержке. Да и в других состояниях человек не всегда отдает приказы, ибо чаще всего должен подчиняться. В этой связи адорновская критика модели активного субъекта и разработка понятия «пассивной» субъективности остается актуальной. В активных ситуациях выбора человек, принимая то или иное решение, должен помнить о других. Можно сказать, что Адорно признавал автономность, но не независимость.

Свобода — это не только понятие, но и форма жизни. Чаще всего излишествуют люди, неожиданно получившие широкие возможности для реализации своих ранее запертых желаний. Раньше их сдерживала нехватка, а в условиях достатка они впадают в излишества и наносят вред прежде всего самим себе. Они не умеют управлять своими желаниями. Этот новый опыт «разгула свободы» заставляет поразмышлять над тем, что мы считаем вредным, запретным, аморальным. Ошибочно сводить это к спонтанным желаниям, табуирование которых обеспечивается традициями, сложившимися в процессе выживания. Сегодня, с одной стороны, раздаются призывы к здоровому образу жизни, а с другой стороны, люди, обремененные вредными привычками, являются покупателями, т. е. сегментами рынка. Таким образом, даже перверсии, которые считаются постмодернистами формой «партизанской войны» против капитализма, на самом деле способствуют его укреплению.

После Освенцима

Как объяснить тот факт, что, несмотря на установку на права человека, мультикультурность и толерантность, сегодня идеологии, основанные на различии друга и врага, снова возвращаются и находят множество сторонников? Адорно и Хоркхаймер писали: «В Германии фашизм победил с помощью вопиюще ксенофобской, враждебной культуре, коллективистской идеологии. Теперь, когда он опустошает планету, народы вынуждены бороться против него, ибо не остается никакого иного выхода. Но когда всё уже будет позади, дух свободы не обязательно будет распространяться по всей Европе, ее нации, возможно, станут такими же ксенофобскими, враждебными культуре и псевдоколлективистскими, каким был фашизм, от которого они были вынуждены обороняться. Движение лавины не прервет даже поражение фашизма» [10, с. 270].

Проанализировав ход европейской истории от раннебуржуазного до постиндустриального общества, Адорно и Хоркхаймер пришли к выводу о том, что фашизм был не случайным, а закономерным явлением. После Освенцима немецкую философию уже нельзя представлять как нечто исключительно гуманное. В чем же состоит опыт Освенцима? Одним из следствий секуляризации была вера в то, что реальное, историческое является носителем трансцендентного, что происходящее, каково бы оно ни было, имеет смысл. Но, спрашивал Адорно, можно ли в это верить после Освенцима? Действительно, как ни один адвокат бога не может оправдать страданий маленьких детей, так после Освенцима уже невозможно верить, что в истории все разумно. В мире полно абсурда, и мы уже не можем утешаться иллюзиями буржуазной философии, сложившейся в более счастливую эпоху, чем наша.

Адорно резко критиковал идеализм и отдавал должное материализму, основанному на принципе практики. Вместе с тем опыт фашизма настраивал его против попыток практической реализации идеалов, которые приводят к гибели воплощающих их людей [11, с. 3–4]. По его мнению, после Освенцима культура превратилась в мусор. Тот, кто ратует за сохранение культуры, превращается в клеветника, а тот, кто отказывается от культуры, способствует наступлению варварства. Такая дилемма не допускает хорошего выхода. Адорно писал: «Абсолютность духа, ореол культуры и был тем принципом, который, не переставая, служил насилию... После Освенцима любое слово, в котором слышатся возвышенные ноты, лишается права на существование» [8, с. 328].

Оппозиции добра и зла, тела и духа, свободы и необходимости, цивилизации и варварства не являются чисто умозрительными. Они проистекают из тех реальных различий, которые складываются между разными людьми и народами. Но мы должны осознать, что одни противоположности сменяются другими и что современные технологии позволяют решать конфликты более гуманным способом. Мы уже понимаем, что противоречие рабочего и буржуа, крестьянина и горожанина, европейца и араба не является ни «природным», ни метафизическим. Благодаря глобализации и урбанизации происходит выравнивание образа жизни людей, улучшается их благосостояние и увеличивается свободное время. Причиной конфликтов, конечно, во многом еще является неравенство. Но в гораздо большей мере ответственность за них несет пещерное мышление тех людей, которые принимают

решения. Именно унаследованная ими идеология эпохи нужды и классовых битв и является причиной постоянного обострения отношений. Судя по позиции, которую занял Адорно по отношению к эксцессам 1968 г., он верил, что на самом деле конфликты можно решать без эскалации старого мировоззрения, везде ищущего врага, не прибегая ни к терактам, ни к «миротворческим» интервенциям. Думается, и сегодня следует всячески развивать начала экологического сознания, терпимости и ненасилия, которые выросли на почве эпохи благополучия и достатка, и на этой основе культивировать мирные отношения между людьми и народами.

Адорно и Х. Арндт считаются приверженцами трактовки истории как ужасного прошлого. Они рассматривали тоталитаризм как нечто общее, присущее фашизму и коммунизму. Вопрос о том, как воспринимать историю, на самом деле решается далеко не однозначно. Во всяком случае, как юридическая оценка прошлого как истории преступлений, так и чрезмерная героизация истории нуждаются в корректировке. Точно так же недопустимо уравнивание коммунизма и фашизма под рубрикой «тоталитарного» общества. Пожалуй, это самая большая ошибка либеральных немецких мыслителей. Призывая Хайдеггера и других мыслителей к покаянию, они не обратили внимания на собственную вину, состоявшую в отождествлении фашистов и коммунистов. Об этом стоит задуматься сегодня. Причина охлаждения отношений между Европой и Россией совсем не та, что раньше, а риторика осталась прежней. В кризисных ситуациях политики вынуждены различать друзей и врагов.

Скорее всего, сегодня идет война за Европу, но угроза исходит не из России. Можно по-разному оценивать их отношения в прошлом и настоящем, но следует иметь в виду, что оценка и исследование — это разные акты. Исследователь может реконструировать систему идей, принципов и ценностей, которые определяют человеческие желания, мышление, действия. Но нельзя игнорировать экономические и прочие утилитарные соображения, например, материальные причины, функциональные, ролевые и профессиональные алгоритмы и коды. Все это так или иначе определяет сознание и поведение любого человека, в том числе и философа. Но можно ли осуждать людей, живших в более суровых условиях и придерживавшихся нелиберальных ценностей? Разумеется, это нельзя запретить. Но свою оценку нельзя выдавать за абсолютную истину. Оценочные высказывания нужно фиксировать от первого лица, формулировать так, чтобы стимулировать оценочные суждения другого.

Незавершенная революция

Социалистическая революция в России, если подводить ее итоги и результаты, конечно, способствовала глубоким преобразованиям, в результате которых наша страна стала мировой державой, но в духовной сфере она не привела к тем последствиям, которые ожидалась. Многие мыслители, писатели, художники, музыканты понимали задачу глубже, чем политики. Изменить мир посредством книги, театра, музыки, живописи, кино считали своей задачей многие деятели культуры. Они приняли революцию потому, что хотели ее продолжить практиками изменения души и тела, которые, как они понимали, и были опорой старого строя. Проект Франкфуртской школы, который считают устаревшей идейной платформой студенческой революции, тоже принадлежит к числу незавершенных. Сегодня многие по-прежнему размышляют о том, как избавиться от капитализма,

и в этой связи опыт культурного авангарда является значимым. Вопрос в том, насколько эффективны художественные технологии и почему на практике они оказываются переписанными властью?

Актуальность политической философии Адорно состоит в открытии новых медиумов власти, реконструкцию которых продолжила и все еще не завершила современная философия. Социальные институты требуют от человека соответствующих компетенций, и прежде всего способности к расчету и самодисциплине. Отсюда формой власти становится знание. Интеллигенцию, которая занималась разоблачением и критикой власти, сегодня сменили менеджеры. Определяя развитие общества на основе имеющихся экономических и технических возможностей, они представляют власть, которая становится все более незаметной и при этом максимально приближенной к повседневной жизни. При этом массмедиа, предписывающие, как должен работать и развлекаться современный человек, неподвластны общественности. Адорно поставил диагноз: общество считается свободным, если отсутствует тоталитарная идеология, а на самом деле в либеральном обществе власть проникла туда, где ее раньше не было. Так он открыл охоту за анонимными, ставшими привычными и незаметными или красиво упакованными диспозитивами власти.

Обычно различают и даже противопоставляют искусствоведа и критика идеологии. Действительно, Адорно отстаивал автономность искусства в мире, в котором идеология была уже практически полностью упразднена [12]. Его проект «политической эстетики» дополняет негативную диалектику, разоблачающую идеологию. То, что творец чувствует и переживает, считает «душой» и защищает от общества как свою индивидуальность, на самом деле является социальной реакцией на угнетение и несвободу. «Всякая оппозиция обществу, всякая индивидуальная сущность, незаметно появляющаяся уже в том, что произведение искусства выходит из круга социально-необходимого, всякая оппозиция, будучи критикой общества, является всегда и рупором общества» [13, с. 182]

Считается, что франкфурты не предложили ничего позитивного и ограничились критикой социальной реальности [14, с. 15]. Указывая на капитализм как причину разного рода аберраций, они полагали, что практическое изменение общества — это не дело философов. Не изменять, а критиковать мир, вот в чем они видели свою задачу. Но и на этой почве нельзя вести войну на уничтожение, нужно подсоединять друг к другу различные установки, программы и методы.

В заключение следует задаться вопросом, каковы границы критико-идеологического проекта? Не является ли критическая теория разновидностью философии подозрения, следствием ресентимента? Нужно признать, что у Адорно были основания для радикальной критики. Но если спросить, как мы ощущаем давление власти сегодня, то придется признать, что она стала менее репрессивной, и смягчить тональность критики. Бороться нужно не против богатства, а против бедности. Конечно, чувствительность людей тоже возросла, и поэтому формы протеста приобрели весьма экзотический характер. Но иногда они кажутся либо просто игрой, либо какими-то искусственными и чрезмерными претензиями разбушевавшихся индивидов, не признающих никаких внешних ограничений. Поэтому следует задуматься о границах как власти, так и сопротивления. С одной стороны, следует препятствовать проникновению манипуляции в сферы человеческой свободы. С другой стороны, приходится признавать и жить в согласии с существующими системами

ми, как природными, так и социальными. В частности, сдержанная позиция Адорно по отношению к бунтующей молодежи объясняется тем, что он осознавал, какую цену приходится платить за преждевременное и необдуманное крушение системы.

Литература

1. Theodor W. Adorno on Tradition // *The Actuality of Theodor W. Adorno* / ed. by Max Pensky. Albany: SUNY Press, 1997. P. 183–193.
2. Социальная философия Франкфуртской школы. М.: Мысль, 1975. 359 с.
3. Дмитриев А. Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа. М.; СПб.: Летний сад, 2004. 528 с.
4. Михайлов И. А. Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований. Ч. 1: 1914–1939 гг. М.: Издательство ИФ РАН, 2008. 207 с.; Ч. 2: 1940–1973 гг. М.: Издательство ИФ РАН, 2010. 294 с.
5. Adorno T.-W. Zur Metakritik der Erkenntnistheorie. Frankfurt am Mein: Suhrkamp, 1972. 185 S.
6. Wirklichkeiten, Möglichkeiten und Unmöglichkeiten: Zum Problem der Lebensform bei Giorgio Agamben und Theodor W. Adorno // *Modern Language Notes*. April 2010. Vol. 125, no. 3 (German issue). S. 642–660.
7. Михайлов А. В. Выдающийся музыкальный критик; Концепция произведения искусства и музыкальная социология // Адорно Т. Избранное: Социология музыки. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. С. 281–425.
8. Адорно Т. В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. 374 с.
9. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М.: Серебряные нити, 2001. 416 с.
10. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум-Ювента, 1997. 310 с.
11. Кузнецов М. М. Теодор В. Адорно: основные этапы жизненного и творческого пути // *История философии*. № 12. 2005. С. 3–44.
12. Рыков А. В. Теодор Адорно как теоретик искусства // *Вестник СПбГУ. Сер. 2. История*. 2007. № 4. С. 287–294.
13. Адорно Т. Введение в социологию музыки // Адорно Т. Избранное: Социология музыки. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 445 с.
14. Магун А. В. О негативной диалектике Теодора Адорно // *Синий диван*. 2004. № 4. С. 12–34.

Статья поступила в редакцию 29 мая 2017 г.;
рекомендована в печать 3 октября 2017 г.

Контактная информация:

Марков Борис Васильевич — д-р филос. наук, проф.; b.markov@spbu.ru

Unfinished Revolution: the political philosophy of the Frankfurt School

B. V. Markov

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Markov B. V. Unfinished Revolution: the political philosophy of the Frankfurt School. *Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict Studies*, 2018, vol. 34, issue 1, pp. 79–90.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.108>

The article is devoted to analysis of political philosophy of T.-W. Adorno and other representatives of the Frankfurt School. They exposed the power as ideology, which takes various forms, uses resources philosophy, mythology and art. Adorno's negative dialectics has developed a project on the basis of which it is possible to the emancipation of people covered by the powerful propaganda machines of today. Thematic horizon in the context that was developing his negative dialectic, are elements of Jewish messianism and Protestantism Luthers, dialectic

Hegels, alienation theory Marx's, immoralizm Nietzsche. For critics of the ideology of modernism the representatives of the Frankfurt School have used resources of the philosophical dialectic. They proposed a new form of protest, which saw the promotions representatives of the cultural avantgarde. In their view, class struggle, and the change of life forms is the main strategy of the cultural revolution. The merit of T. Adorno, M. Horkheimer and G. Marcuse is a critical analysis of the new forms of governance media culture. "Political esthetics" complements the negative dialectic. In addition to criticism of the values of bourgeois society for the liberation of the people, it is proposed to use the possibilities of avantgarde art, especially new music, according to Adorno, turns consumers into accomplices. If light music distracts and entertains, new music is fosters critical reflection sensuality and, thus, exempt from installation on pleasure. Comparing projects of Frankfurt School with modern social and cultural processes, it must be said that they have not been translated. Connection of art, philosophy, and life was not as desired. At the Foundation of modern mass society remains not critical reflection, and consumption and entertainment.

Keywords: power, critique of ideology, Marxism, cultural revolution, political aesthetics.

References

1. Theodor W. Adorno on Tradition. *The Actuality of Theodor W. Adorno*. Ed. By M. Pinsky. Albany, SUNY Press, 1997, pp. 183–193.
2. *Sotsial'naiia filosofiiia Frankfurtskoi shkoly [Social philosophy of the Frankfurt School]*. Moscow, Mysl' Publ., 1975. 359 p. (In Russian)
3. Dmitriev A. N. *Marksizm bez proletariata: Georg Lukach i ranniaia Frankfurtskaia shkola [Marxism without the proletariat: Georg Lukacs and early Frankfurt School]*. St. Petersburg, Letnii sad Publ., 2004. 528 p. (In Russian)
4. Mikhailov I. A. *Maks Khorkkhaimer. Stanovlenie Frankfurtskoi shkoly sotsial'nykh issledovaniia [Max Horkheimer. The formation of the Frankfurt School of social research]*. Pt. 1. 1914–1939. Moscow, IF RAN Publ., 2008. 207 p.; Pt. 2. 1940–1973. Moscow, IF RAN Publ., 2010. 294 p. (In Russian)
5. Adorno T.-W. *Zur Metakritik der Erkenntnistheorie*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1972. 185 p.
6. Wirklichkeiten, Möglichkeiten und Unmöglichkeiten: Zum Problem der Lebensform bei Giorgio Agamben und Theodor W. Adorno. *Modern Language Notes, German*, April 2010, issue 125, no. 3, pp. 642–660.
7. Mikhailov A. V. *Vydaiushchiisia muzykal'nyi kritik; Kontseptsiiia proizvedeniia iskusstva i muzykal'naia sotsiologiiia [Outstanding musical critic. Concept artwork and Music sociology]*. Adorno T. *Izbrannoe: Sotsiologiiia muzyki [Favorites: the sociology of music]*. St. Petersburg, Universitetskaia kniga Publ., 1998, pp. 281–425. (In Russian)
8. Adorno T. W. *Negativnaia dialektika [Negative Dialektiks]*. Moscow, Nauchnyi mir Publ., 2003. 374 p. (In Russian)
9. Adorno T. W. *Issledovanie avtoritarnoi lichnosti [Study the authoritarian personality]*. Moscow, Serebrianye niti Publ., 2001. 416 p. (In Russian)
10. Horkheimer M., Adorno T. W. *Dialektika Prosveshcheniia. Filosofskie fragmenty [Dialectic of enlightenment. Philosophical fragments]*. Moscow, St. Petersburg, Medium-Iuventa Publ., 1997. 310 p. (In Russian)
11. Kuznetsov M. M. Teodor V. Adorno: osnovnye etapy zhiznennogo i tvorcheskogo puti [Theodor W. Adorno: the main stages of life and creative path]. *Istoriia filosofii*, 2005, no. 12, pp. 3–44. (In Russian)
12. Rykov A. V. Teodor Adorno kak teoretik iskusstva [Theodor Adorno as art theorist]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Ser. 2. History*, 2007, no. 4, pp. 287–294. (In Russian)
13. Adorno T. *Vvedenie v sotsiologiiu muzyki [Introduction to the sociology of music]*. Favorites: the Sociology of music]. Adorno T. *Izbrannoe: Sotsiologiiia muzyki [Favorites: the sociology of music]*. St. Petersburg, Universitetskaia kniga Publ., 1998. 445 p. (In Russian)
14. Magun A. V. *O negativnoi dialektike Teodora Adorno [The negative dialectics of Theodor Adorno]*. *Sinii divan*, 2004, no. 4, pp. 12–34. (In Russian)

Author's information:

Markov Boris V. — Doctor of Philosophy, Professor; b.markov@spbu.ru